

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 81'23:[316.772.4:32]

ПСИХОСЕМАНТИКА КОНСТРУКТА УГРОЗЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.А. Романов¹, О.В. Новосёлова²

¹Томский политехнический университет

²Тверской государственный университет

В данной статье рассматривается коммуникативный конструкт угрозы в политической коммуникации. Введение в исследование сферы эмоционального воздействия данного понятия позволяет изучить и систематизировать возможные диспозиции Я – политика и Я – избирателя в дискурсивном пространстве угрожающей интеракции, а также исследовать динамику их изменения. Количество элементов рассматриваемого коммуникативного конструкта политической угрозы указывает на когнитивную сложность ситуации политической угрозы.

Ключевые слова: коммуникативный конструкт, элемент, аффект, комфорт, дискомфорт, диспозиция модальности субъекта, перформативная практика.

В настоящее время значительный интерес представляют базовые способы упорядочивания и классификации многообразных форм знания на всех уровнях проявления когнитивной способности человека и его коммуникативной активности в пространстве обыденных сценариев жизнедеятельности. Действительно, поток жизненных событий и встреч с определенными предметными областями и интерактивными сферами может превратиться в хаос, если субъект жизнедеятельности не будет иметь смысловых инструментов для структурирования, упорядочения и осмысления единиц этого потока [8, с. 16–17]. Актуальным остается вопрос, как человек «измеряет», оценивает, классифицирует определенные явления, события и предметы реального мира, какими критериями он пользуется, какие признаки социальных действий в плане определения их объемности и объемности элементов действительности с точки зрения человека, данной культуры, картины мира существуют и какова специфика лексики, характеризующей непредметную сущность социальных действий и отношений [8, с. 16].

Согласно основным положениям некоторых теоретических работ [10; 1; 6; 8] человек использует для интерпретации, оценки и прогнозирования событий окружающего мира, своего поведения и поведения других людей такое субъективное средство, как

коммуникативный конструкт. Для разных сфер жизнедеятельности (или предметных областей) у человека существуют разные конструктивные системы, поэтому типовые сценарии жизнедеятельности наполняются конкретным содержанием тогда, когда они включаются в контекст вполне определенной предметной области [8, с. 36]. Коммуникативный конструкт – это смысловая единица более высокого уровня, чем понятие, это «трактовка ментальной репрезентации как специфического языка мышления» [2, с. 228], это контрарный тип отношения понятий.

При этом важно иметь в виду, что каждый конструкт применим не ко всем объектам, а только к некоторым из них. Последние называются *элементами*. Например, конструкт «высокий» или «низкий» может быть применен к домам и людям, но он не применим к погоде или насекомым. Конструкты, которые применяются для описания автомобилей, животных или людей, различаются как по составу, так и по содержанию. Также конструкт «приказ», «совет» или «угроза» применим только к людям как членам социума, в котором признаются нормы и правила поведения, но не к предметам реального мира. Поэтому вербальные ярлыки, например «высокий», «низкий» или «совет», «извинение», «крещение», «угроза» наполняются конкретным содержанием тогда, когда они включаются в контекст вполне определенной предметной области, т. е. когда конструкт применяется к какому-либо классу однородных объектов. *Высокий* дом – это одно, *высокий* человек – другое, а *высокая* цель – третье. Содержание конструкта определяется его смысловыми связями с другими конструктами, описывающими тот же самый класс объектов. Поэтому любая вещь или событие осознается говорящим в пределах горизонта его «жизненного мира» [11], т. е. воспринимаемый индивидом как привычный, нормальный, само собой разумеющийся мир, в котором происходит повседневная жизнь такого индивида.

Если формально следовать логической традиции, то конструкт представляет собой определенный тип отношений между понятиями – антонимами, в том числе и тип антонимических отношений (говорящий – слушающий, адресант – адресат, субъект действия – объект воздействия, ведущий – ведомый и др.) между интерактантами социально-коммуникативного взаимодействия. Этот тип отношения понятий в логике называется противоположностью или контрарностью [5]. Такой тип отношений предполагает, что кроме понятий-антонимов существует, по крайней мере, еще одно *среднее понятие*, относящееся к тому же роду и разделяющее объемы крайних [7]. Другими словами, отношение противоположности предполагает континуальность, например, в директивах – приказ и просьбы, а между ними как среднее (нейтральное) звено – указание.

В этой связи следует особо обратить внимание на *неразрывность* связи конструкта с теми элементами, для описания которых он предназначен. В когнитивном плане наиболее важными элементами для отражения полученного опыта в виде определенного конструкта являются *модальности Я* – говорящего субъекта как когнитивного агента, т.е. такие многообразные оттенки самовосприятия человека и предметов реального мира, которые можно выделить либо в самоописаниях ответов на вопрос: *Что ты делаешь?* (вижу *большой* дом; ощущаю *большой* ливень и т.п.), либо в невозможности осуществить такое самописание ввиду совершения в момент говорения самого действия, т.е. в процессе реализации перформативного поведения самим говорящим.

Как и другие элементы, каждая *модальность Я* имеет вполне определенное местоположение на континууме конструкта. Это легко схематизировать и, как правило, не трудно вербализовать. Обычно в речи и в самоописаниях встречаются высказывания, в которых звучат одна, реже – две, совсем редко – три и почти никогда – четыре и более модальностей. Однако это не означает, что они не существуют и не оказывают влияния на поведение говорящего субъекта, выражающего модальность при помощи *Я* – конструкций любого – и перформативного, и констативного – порядка.

Диспозиция *модальностей Я* – это одновременная проекция нескольких *модальностей Я* на континуум конструкта. Если суммировать приведенные выше высказывания и их схематизацию, то можно получить как раз то, что и называется диспозицией с точки зрения вербального (перформативного и констативного) поведения когнитивного агента как говорящего субъекта: «Я стал более информированным, чем раньше, но еще не таким, каким мне хотелось бы быть, чтобы узнать все свойства объекта моего познания или свойства возникших отношений в новой коммуникативной реальности социальной интеракции».

Каждая диспозиция имеет тенденцию проявляться в когнитивно обыденном и перформативном поведении вполне определенным образом в виде той или иной перформативной практики. Причем внешний рисунок (манифестационная конструктивность) и вербального, и невербального поведения достаточно точно отражает взаиморасположение *модальностей Я* когнитивного агента: приказ – обязательное следование приказу по определенному сценарию, а совет – необязательное следование совету и не обязательно придерживаться ритуальной специфики совета; ср. также и с предметным миром и их оценкой: гранит – камень твердый, а малахит – камень мягкий и т.п. Достаточно одной из модальностей изменить свое местоположение на континууме конструкта, как поведение и эмоции резко меняются.

Каждый раз человек сталкивается с некоторым интегральным фоном (гештальтом), в котором временами могут более отчетливо выступать отдельные *модальности Я* когнитивного агента. Этот интегральный фон самовосприятия может оставаться постоянным или меняться в зависимости от местоположения (сценария типового взаимодействия) аспектов *Я* на континууме типового конструкта.

Не следует думать, что в этом общем определении представлено все содержание диспозиции, связанной с параметрами «большее знание – меньшее знание» конструкта «перформативное действие». В идеале диспозицию составляют все без исключения *модальности Я* когнитивного агента как говорящего субъекта, в том числе и (возможно) не открытые еще в социальной практике общения и науке (например, в психологии). Не следует также думать и о том, что диспозиция – это всего-навсего суждение когнитивного агента о себе познающем. Суждение может быть ложным, а *диспозиция всегда истинна*. Она такая, какая есть, и какой она только и может быть в рамках перформативного поведения, заданного (определяемого, каузируемого) параметрами типового иллокутивного конструкта. Совокупность этих параметров и совокупность возможных (обусловленных) истинных проявлений *модальностей Я* формируют (создают) иллокутивный объем типового конструкта, представленного в ментальном пространстве говорящего индивида в виде некоторого гештальта или фрейма, когда любое проявление такой модальности (в виде реальной дискурсивной перформативной практики) можно рассматривать лишь «проявлением на фоне» конструкта как гештальта. Однако здесь возникает вопрос, который заключается в том, чтобы научиться выявлять ее. Например, мошенник подает себя с самой выгодной стороны, однако его высказывание о себе «*Я клянусь, что Я честный*» и то, что он на самом деле о себе думает, – не одно и то же.

К этому следует добавить, что также в структуру диспозиции входят как *представители* (т. е. участники социальной интеракции с различным ролевым репертуаром), так и сопутствующие *конституенты* социального окружения. Важно иметь в виду, что для каждого из названных представителей и конституентов найдется место на континууме между полюсами конструкта.

Нетрудно представить, что если мы на этом же конструкте отметим местоположение точек, соответствующих *Я* когнитивного агента как говорящего субъекта (какими знаниями я обладаю сейчас о предмете и об отношениях между субъектом и объектом, на которого направлено речевое действие, и какими эти отношения могут быть после реализации речевого действия) и *Я* фантастического когнитивного агента (какими знаниями я буду обладать о предмете и наших социально-коммуникативных отношениях через некоторое

время, например после выражения иллокутивных параметров типового конструкта), и рассмотрим их на фоне социального окружения, то содержание диспозиции может ещё больше расширяться.

Поскольку каждая диспозиция жестко привязана к определенному конструкту, то появляется возможность проинтерпретировать связи диспозиций, осуществив тем самым переход от анализа индивидуального сознания к анализу Я – концепции когнитивного агента в перформативном поведении. Интерпретация связей диспозиции отличается от интерпретации корреляционной связи между конструктами. Понятие положительной и отрицательной корреляционной связи теряет свое непосредственное значение, трансформируясь в понятие противоречивого или непротиворечивого самовосприятия по условиям перформативного характера проявления *модальности – Я* в виде соответствующих естественно-языковых практик перформативного дискурса [8; 9].

С этих позиций целесообразно рассмотреть коммуникативный перформативный конструкт «угроза», реализуемый в пространстве политической коммуникации, например, в политических актах предвыборной дискурсии. Важно уяснить, каким образом личность, в частности избиратель, интерпретирует и оценивает угрозы в дискурсивном пространстве политической коммуникации, в какие эмоциональные состояния политический дискурс угрозы (также: политическая угроза) может вводить адресата и в каком эмоциональном состоянии находится адресант политической угрозы. Для ответов на поставленные вопросы необходимо в первую очередь рассмотреть коммуникативный конструкт угрозы политического дискурса. Материалом исследования послужили 72 примера политической угрозы, отобранные методом сплошной выборки из 6 статей электронной версии издания ЛДПР (с сайта www.ldpr.ru).

Напомним вновь, что одной из главных и универсальных характеристик коммуникативного конструкта является его биполярность, т.е. коммуникативный конструкт имеет два полюса действительности, проявляющиеся в повсеместном наличии противоположностей, например: *Лад* и *Разлад* у коммуникативного конструкта «утешение» [6, с. 50–51; 8, с. 35] и соответственно *Комфортное эмоциональное состояние* и *Дискомфортное эмоциональное состояние* у коммуникативного конструкта политической угрозы.

Коммуникативный конструкт представляет собой не что иное, как определенный тип отношений между понятиями антонимического плана. Он предполагает, что кроме понятий-антонимов существует, по крайней мере, еще одно среднее понятие, относящееся к тому же роду и разделяющее объемы крайних [6, с. 31]. Другими словами, отношение

противоположности предполагает континуальность [8, с. 36]. Так, в коммуникативном конструкте политической угрозы между Комфортным состоянием и Дискомфортным состоянием коммуникантов находится промежуточное звено – аффицированное эмоциональное состояние нулевого уровня – Без аффекта [4, с. 156–159].

Контрарность отношений между комфортным состоянием и дискомфортом, а также движение от комфортности к дискомфорту в ситуации политической угрозы можно представить в виде определенной линии, направленной от полюса комфортного состояния (К) к дискомфортному состоянию (Д) и проходящей через нейтральную позицию Без аффекта:

Комфортное состояние ----- Без аффекта аффицированное состояние -----> дискомфортное состояние

Диспозиция эмоционального состояния Без аффекта делит коммуникативный конструкт политической угрозы на две равные части с центром в точке 0 (ноль; Без аффекта): левая часть соответствует аффицированным положительным переживаниям собеседников (+А), правая – аффицированным отрицательным (-А). На следующей схеме можно продемонстрировать отображение возможных диспозиций Я-слушающего и Я-говорящего на коммуникативном конструкте политической угрозы:

а) К _____ +А _____ Д;
б) К _____ 0 _____ Д;
в) К _____ -А _____ Д;

Условные обозначения:

- А - аффицированное эмоциональное состояние
- Д - дискомфортное эмоциональное состояние
- К - комфортное эмоциональное состояние
- * - желаемое эмоциональное состояние

Для речевых актов политических угроз партии ЛДПР (в том числе и угроз предвыборной агитации) характерна диспозиция Я-говорящего (Я-политика) в точке, соответствующей аффицированному эмоциональному состоянию (+А или -А). Данная диспозиция Я-политика определяется сложностью ситуации предвыборной агитации, сложной ситуацией в стране, политической конкуренцией, а также заинтересованностью политика достичь своей цели – победить на выборах. Аффицированное эмоциональное состояние членов партии ЛДПР характеризуют, например, следующие их языковые практики:

«Пора кончать с этой скотской жизнью, с воровством чиновников, наглостью бандитов, с гнилой культурой, с разрушенной наукой, с замордованным образованием, с фальшивым здравоохранением, со слабой армией и бессильными органами правопорядка», «Мы больше не хотим вранья, мы устали от него», «Отвечаю: страна умирает, спасти ее может только участие в политической жизни широких народных масс».

Особенностью массового адресата речевых актов политических угроз является то, что адресант угрозы, как правило, не осведомлен о точном эмоциональном состоянии получателей своего сообщения. В рассматриваемом политическом дискурсе автор угрозы направляет свое воздействие в адрес наиболее вероятных избирателей и фокусирует на них свое внимание, при этом он предполагает, что потенциальный избиратель находится в отрицательном аффицированном эмоциональном состоянии (-А) или в состоянии, близком к дискомфортному. Поэтому политическая угроза дискурса партии ЛДПР, как правило, направлена на поиск недовольных ситуаций в стране, находящихся почти в дискомфортном состоянии избирателей, которых возможно убедить в том, что их эмоциональное состояние ухудшится, если они не проголосуют за ЛДПР, так как ситуация в стране изменится в худшую сторону.

Начальную (до политической угрозы) взаимодиспозицию Я-политика и Я-избирателя в политическом дискурсе партии ЛДПР можно представить следующим образом:

| Я-политика |
К _____ аффицированное состояние _____ Д
| Я-избирателя |

Политик вступает в политическую борьбу с целью каузировать (побудить) избирателей проголосовать именно за него с затратой минимальных усилий. Иллокутивной целью угрозы политика является введение избирателя в такое некомфортное эмоциональное состояние, для скорейшего выхода из которого избиратель должен выполнить каузируемые политиком действия.

Следовательно, политик ожидает проявления следующей диспозиции Я-избирателя после политической угрозы:

* * * * | Я-политика |
К _____ аффицированное состояние _____ 1_2_3_ Д
* * * * | Я-избирателя |

Отмеченные знаком * диспозиции являются наиболее благоприятными (или желаемыми) эмоциональными состояниями как для Я-политика, так и Я-избирателя.

С помощью политической угрозы политик стремится удержать избирателей в аффицированном отрицательном эмоциональном состоянии. Например, следующими политическими **угрозами-лозунгами** политик декларирует *невозможность выхода* избирателя без выполнения казулируемого действия *из отрицательного аффицированного состояния* (см. выше схему, отображающую диспозицию под цифрой 1 Я-избирателя, ожидаемую политиком после декларации политической угрозы): «*За задержку зарплаты – в тюрьму*», «*За все ответите*», «*Долой взяточников*», «*Чтобы с этим покончить, надо отправить более половины губернаторов в отставку!*».

Адресатом данных политических угроз является избиратель, однако очевидно, что их менасивное действие направлено не в адрес избирателей, а в адрес членов и сторонников других партий (в особенности членов партии «жуликов и воров»). Данный тип угрозы используется для поддержания негативного отношения целевого электората к политике других партий, а также для побуждения к голосованию за ЛДПР. Необходимо отметить, что для угроз данного типа характерны некоторые изменения в предварительных условиях их функционирования [подробнее о предварительных условиях функционирования типовых актов см.: 3, с. 55–62]. Так, например, угрозу «*За задержку зарплаты – в тюрьму*» говорящий политик не в состоянии осуществить в момент речи (вероятно, он никогда и не будет в состоянии), так как осуществление этой угрозы возможно только в случае наличия у говорящего определенных полномочий, определенного статуса, которых он в момент произнесения угрозы ещё не имеет.

Политической угрозой политик также может намереваться *ухудшить отрицательное аффицированное состояние* избирателя. Для этого политик декларирует, во-первых, возможное перемещение диспозиции Я-избирателя по континууму содержания коммуникативного конструкта политической угрозы в сторону ухудшения эмоционального состояния избирателя из-за упоминания об ухудшении уже существующей неблагоприятной ситуации в стране в том случае, если избиратель выберет другую партию (см. схему, отображающую диспозицию Я-избирателя под цифрой 2, ожидаемую политиком после политической угрозы). Например: «*И до чего мы докатимся в итоге?*», «*В противном случае на территории России в течение 100–200 лет будет создано 170 государств, и никакой России не будет*».

Во-вторых, политик декларирует возможное перемещение диспозиции Я-избирателя по континууму содержания коммуникативного конструкта политической угрозы в сторону крайнего обострения существующей неблагоприятной ситуации в стране – приближение к катастрофе, если избиратель выберет другую партию (см. схему, отображающую диспозицию Я-избирателя под цифрой 3, ожидаемую политиком после политической угрозы). Например: *«ЛДПР – последняя надежда России», «В каждом направленном в мой адрес обращении люди пишут о том, что предчувствуют приближение катастрофы и не могут больше жить так, как им велит «барин» – чиновник, бандит, олигарх», «Есть ли у русских завтра? Это зависит от нас с вами».*

Очевидно: для каузации избирателя с помощью политической угрозы политик воздействует на эмоциональное состояние избирателя таким образом, что вводит его в некомфортное эмоциональное состояние (движение вправо по шкале коммуникативного конструкта политической угрозы), для выхода из которого (для скорейшего возврата в точку комфортного эмоционального состояния) избирателю необходимо выполнить каузируемые действия – проголосовать за партию ЛДПР. Важно отметить, что политик, воздействуя на эмоциональное состояние избирателя, нацеливает политическую угрозу на введение избирателя в такое некомфортное эмоциональное состояние, в котором он вероятнее всего совершит требуемые действия.

Итак, введение в исследование сферы эмоционального воздействия понятия коммуникативного конструкта политической угрозы позволяет изучить и систематизировать возможные диспозиции Я-политика и Я-избирателя в дискурсивном пространстве угрожающей интеракции, а также исследовать динамику их изменения. Количество элементов рассматриваемого коммуникативного конструкта политической угрозы указывает на когнитивную сложность ситуации политической угрозы. В коммуникативный конструкт политической угрозы входит череда высказываний (естественно-языковых социальных практик), выраженных политиком в процессе речевой деятельности политической направленности и связанных с процессом изменения эмоционального состояния избирателя под возможностью наказания. Построение коммуникативного конструкта политической угрозы будет успешным только в том случае, если на его континууме содержания будут отражены все возможные диспозиции эмоциональных состояний политика и избирателя, создаваемых политической угрозой, в иерархическом порядке.

Политическая угроза, реализованная в диалогической интеракции, представляет собой одну из возможных диспозиций Я-политика и Я-избирателя, в то время как коммуникативный конструкт

политической угрозы представляет собой набор возможных диспозиций эмоциональных состояний Я-политика и Я-избирателя. Таким образом, политической угрозой можно считать любой из конститuentов континуума содержания коммуникативного конструкта политической угрозы, входящий в объем континуума содержания «комфортное состояние – дискомфортное состояние» и связанный с побуждением избирателей к голосованию за определенного кандидата (партию) под упоминанием менасивных событий.

Список литературы

1. Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 182 с.
2. Петров В.В. Джерри Фодор: Когнитивное измерение мышления // Концептуализация и смысл: сб. науч. тр. Новосибирск: СО «Наука», 1990. С. 227–232.
3. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. 183 с.
4. Романов А.А. Управленческая коммуникация. Тверь: ЦПП АО «Тверьэнерго», 1996. 238 с.
5. Романов А.А. Основы логического знания и теории аргументации: учеб. пособие. Тверь: ТИПЛиМК, 2011. 136 с.
6. Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: Лингвopsихологический анализ. М.: ИЯ РАН, 2006. 144 с.
7. Романова Л.А. Конструктивная семантика криптокласса английских прилагательных размера в диахронии и синхронии. М.: ИЯ РАН, 2007. 120 с.
8. Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты перформативов в функциональной парадигме языка. М.: ИЯ РАН, 2009. 180 с.
9. Романова Л.А. Композитные перформативы в функциональной парадигме языка: Семантический и прагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Великий Новгород, 2010. 438 с.
10. Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности. СПб.: Питер Пресс, 1997. 608 с.
11. Шюц А. Смысловая структура повседневной жизни. М.: Ин-т фонда «Общественное сознание», 2003. 336 с.

**PSYCHOSEMANTICS OF THE THREATS CONSTRUCT IN
POLITICAL COMMUNICATION**

A.A. Romanov¹, O.V. Novoselova²

¹Tomsk Polytechnic University

²Tver State University

The paper focuses on the communicative construct of threat in political communication. Introduction of the political threat's communicative construct in this research can help to study and systematize possible dispositions of I - speaker and I - hearer in the political communication. Elements' number of the political threat communicative construct shows its cognitive complexity.

Keywords: communicative construct, element, affect, comfort, discomfort, the disposition of subject's modality, performative practice.

Об авторах:

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский. Томский политехнический университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина, 30), e-mail: romanov_tgsha@mail.ru

НОВОСЕЛОВА Ольга Владимировна – аспирант ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: olvnov@mail.ru